

УДК 398.221 (470.65)

ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ОСЕТИНСКОГО ФОЛЬКЛОРА**Таказов Ф.М.**

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, Владикавказ, e-mail: fedar@mail.ru

Данная статья посвящена обзору демонологических персонажей, маркирующих нижний мир в трехуровневой структуре Модели Мира в мифологии осетин. Наиболее распространенным образом из разряда демонических существ является чёрт. Различные персонажи низшей мифологии, которые изобилуют почти во всех жанрах осетинского фольклора, фактически отражают образ чёрта. Цель работы: на основе фактического материала проанализировать образы демонических существ в фольклоре осетин и определить их значимость в мифосистеме осетин. Демонологические персонажи представлены практически во всех жанрах осетинского фольклора. Проведенное исследование позволяет выявить семантику различных мифологем для реконструкции архетипа нижнего мира в трехуровневой системе осетинской мифологии. Анализ персонажей, относящихся к низшей мифологии, позволяет более полно представить системную реконструкцию осетинской демонологии. Результаты исследования могут быть применимы при изучении религиозно-мифологических воззрений, фольклора и этнографии осетин.

Ключевые слова: мифология, фольклор, демонология, низшая мифология, чёрт, бес, джинны, духи зла

DEMONOLOGICAL CHARACTERS OSSETIAN FOLKLORE**Takazov F.M.**

Institute of Humanitarian and Social Research name V.I. Abaev VSC RAS and the Government of Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, e-mail: fedar@mail.ru

This article reviews the demonological character marking the underworld in a three-level structure of the model of the world in the mythology of the Ossetians. The most common way of discharge of demonic creatures is hell. Various characters of lower mythology that abound in almost all genres of Ossetian folklore, actually reflect the image of the devil. Objective: based on factual analysis images of demonic beings in the folklore of the Ossetians and determine their importance in mifosisteme Ossetians. Demonological characters are represented in almost all genres of folklore Ossetians. The study identifies the semantics of different mythologies for the reconstruction of the archetype of the lower world in the three-tier system Ossetian mythology. Analysis of the characters belonging to the lower mythology, allows more complete reconstruction of the present system Ossetian demonology. The results can be applied in the study of religious and mythological beliefs, folklore and ethnography of the Ossetians.

Keywords: mythology, folklore, demonology, the lower mythology, the hell, the demon, jinn, evil spirits

Перечень демонологических персонажей осетин богат и многообразен. Большинство мифологических образов, олицетворяющих силы зла, восходят к ранним религиозно-мифологическим воззрениям. Под влиянием христианства, а в большей степени ислама, они подверглись трансформации и в большинстве своем превратились в сказочные персонажи. Так как вся система, на которой базировалась мифология, низвергается канонической религией, мифологические персонажи забываются, другие закрепляются только в сказках, третьи переходят в низшую мифологию, превращаясь в демонологических персонажей.

Демонические существа в осетинской мифологии объединяются термином *далимонтæ/дæлуймонтæ* [далимоны] (от «дæл» – «нижний» + «мон» – «дух», букв. «нижние духи»). Они противопоставляются *уæлимонтæ/уæлуймонтæ* [уалимоны] (букв. «верхние духи»). В разряд далимонов входят *иблис* (дьявол), *хайраг* (черт), *дзинтæ* (джинны, бесы), *кадзи* и др. персонажи низшей мифологии.

Далимоны – общее наименование духов зла. Хотя само понятие «духи зла» идет из дуалистических религиозных систем, в которых Вселенная членится на мир добра и мир зла – в зороастризме и манихействе. В позднейших религиях, испытавших влияние зороастризма (иудаизм, христианство, ислам и др.), учение о духах зла стало составной частью. Далимоны относятся к человеку враждебно, но иногда им свойственны и положительные качества – чувства благодарности. Облик, речь и действия их вполне человеческие, могут входить в контакт с человеком, выступать в роли его помощника или союзника, но, как правило, стараются причинить вред человеку. Они постоянные противники и заклятые враги Нартов. Далимоны, одолевшие в неравном противоборстве нартов Уархага и Уархтанага [9, с. 176–191] и своими смертоносными стрелами подбили копыта коня Нарта Сослана [7, с. 528–530.].

Далимоны наделены сверхъестественными способностями вселяться в людей, теряющих рассудок. В таких случаях их «из-

гоняли» избиением, прижиганиями и т.д. Далимоны иногда возвращают коня героя. Так, коня-невидимку Нарта Тотраза, подававшего советы в бою, взрастили *далимоны* [6, с. 335].

Наиболее распространенным демонологическим персонажем из рода далимонов является *хэйрæг/сайтан* ‘чёрт’, ‘бес’. Согласно осетинским мифам, в начале мира Бог создал одновременно людей, чертей и великанов. Черти оказались хитрыми и коварными и, пользуясь простодушием людей, эксплуатировали их. После того как Уастырджы научил людей бороться против великанов и чертей, люди вначале уничтожили великанов, затем начали истреблять чертей. Черти, жившие до этого среди людей, спрятались под землей. Люди научились и там их находить и уничтожать. Тогда черти собрались и начали советоваться, как им спастись от людей. Один из чертей предложил спрятаться среди самих людей, приняв их облик. Некоторые возразили ему, что таким образом, не ведая, кто есть кто, они смешаются и растворятся среди людей. На что тот же чёрт ответил, что тот, в ком будет течь хоть толика чёртовской крови, останется чёртом. С тех пор, по верованиям осетин, черти живут среди людей [4, с. 39–41].

Первоначально черти жили в дружбе с нартами. Они помогли Нарту Сослану выбраться из преисподней, поддерживали дружбу с Сирдоном.

Чёрт в религиозно-мифологических представлениях и фольклоре осетин представляется в образе волосатого человека с вывернутыми вперед пятками. Руки их непомерно длинные с огромной ладонью. Ростом же они могут быть с человека, так как могут принимать человеческий облик. В своем же облики они бывают и выше, и ниже человеческого роста. Черти способны превращаться в черную кошку, собаку, свинью. Могут принимать облик знакомого (сельчанина, соседа, родственника). Обитают черти в подземелье, в оврагах, лесах, водоемах, мельницах. В подземном мире они имеют своего царя и войско. Через определенные места, называемые *цæрдздзой дуартта* (букв. ‘двери ада’), *цæрдздзодзæуæн* (букв. ‘место прохода в потусторонний мир’) [2, с. 620] или *сечъы лагæт/секъы лагæт* ‘пещера сечи/секи’ (букв. ‘место, по которому черти выходят на землю’) [2, с. 458], черти по ночам выходят из подземелья и бесчинствуют, стараясь напакостить людям. Питаются они грязью, редко человеческой пищей.

Во время приема пищи осетины, чтоб задобрить чёрта, не доедали последний кусок, считая, что это доля чёрта. Если во вре-

мя еды на пол падал кусок пищи, осетин говорил, что это доля чёрта и выбрасывал его.

Черти делятся на злых и безобидных. Встреча со злым чёртом грозит человеку или смертью, или неизлечимой болезнью. Безобидные черти, хотя и шалят, не наносят серьезного вреда. Они, как правило, ютятся в ущельях около камней, разводят костры и прыгают через них. Могут устраивать танцы, вовлекая в веселье и случайных ночных путников. Если путник принимает участие в их веселье, то он рискует заболеть душевной болезнью. Чёрт может овладеть душой человека. В таком случае человек перенимал его повадки, начинал разговаривать на бесовском языке. В то же время, черти у осетин разговаривают на осетинском языке, хотя и на своем жаргоне. Так, например, вместо «*хур аныгуылд*» (‘солнце зашло’) говорят – «*хор агургур*».

Самым крупным злодеянием чертей осетины считали, когда бес вселялся в человека, и он становился «бесноватым». (Изгонять беса из человека умели только некоторые дзуарлагы (жрецы) и знахари. «Бесноватого» человека, связанного веревками, приводили к знахарю для изгнания из него беса. Знахарь с ним проделывал различные манипуляции, нередко даже истязал его, чтобы тот назвал имя вселившегося в него беса. А когда он, доведенный до иступления и потери сознания, начинал лепетать бессмысленные слова, знахарь записывал на клочке бумажки какое-нибудь из этих слов, будто бы имя изгоняемого беса, и сжигал эту бумажку тут же на огне. Этим актом чёрт не только изгонялся из человека, но и как бы сжигался на костре, бесноватый человек с этого момента освобождался от беса.)

Иногда же встреча чёрта и человека оказывалась не в пользу первого. Человек мог поймать чёрта и подчинить его себе. У осетин существует поверье, согласно которому можно подчинить себе чёрта, сбрав ему несколько волос на голове. Таким образом, согласно легендам, некий Секинаев (или Сагкаев) поймал чёрта и заставил его работать на себя. При этом осетины рассказывают эти легенды как реально происшедшее событие. Жители Дигорского ущелья до сих пор показывают камень около с. Махческа с огромным отпечатком ладони (приписываемый чёрту), под которым исчез сбежавший чёрт.

По рассказам осетин, в каждую пятницу вечером нужно было заново сбрасывать голову чёрта. Если этого не сделать, то под утро, перед восходом солнца чёрт оказывался свободен. Так как Секинаевскому чёрту некому было побрить голову, то он

не мог оставаться у них далее и под утро сбежал [3, с. 272].

В песне о чертях (Хайраджыты зараг) своим хозяином черти называют Уацилла, хотя и не любят его. А злейшим врагом, истребляющим чертовскую породу, они считают волка. «Берегитесь остроухого, зоркоглазого: он истребит наш род». – говорится в песне чертей. По магическим соображениям, чтобы не появился реальный волк, черти не называют его своим именем.

Черти обладают способностью исчезнуть мгновенно, потому человек не может их одолеть. Лишь волк, молния и огонь в состоянии одолеть их. В то же время защитой от чертей (бесов) служат различные острые железные предметы: нож, ножницы, игла и пр. До сих пор осетины верят, что ножницы, подложенные под подушку роженицы или ребенка, защитят их от чёрта. При встрече с чёртом достаточно показать ему нож (кинжал, револьвер, ножницы, волчьих когти и пр.) или произнести формулу «бисмиллахи», и они исчезнут. Кроме того, в дни празднования *Тутыртæ/Тотуртæ* (Тутырта/Тотурта – начало Нового года в марте месяце по осетинскому календарю, соответствует иранскому Новруз.), изготавливали у кузнеца различные металлические поделки-обереги, которые они носили в течение года. Считалось, что, потеряв такой оберег, можно подвергнуться нападкам различных сил зла.

Чтобы чёрт не сглазил или не нанес ущерб новорожденным, им давали непривлекательные имена: Сакуудз ‘черная собака’, Хъæндил ‘жук’, Хъæвдын ‘щенок’, Хуы ‘свинья’ и т.п.

Иногда роль чёрта в фольклоре осетин выполняют *зинтæ/дзинтæ* ‘джинны’. Они рисуются подобно чертям, но без хвостов, такими же коварными и хитрыми. Встреча с ними всегда приносит человеку несчастья. Даже если он одаривает человека каким-нибудь благом, тому в конце концов эти дары оказываются не впрок: или он сам заболевает, или кто-нибудь из близких родственников.

Другой ипостасью чёрта (*хæйраг/сайтан*) является *иблис/ибилис* ‘дьявол’, заимствованный из мусульманской традиции. Образ *иблиса* в отличие от *хæйраг* размыт и менее определен. Потому он иногда подменяет *хæйраг*.

Согласно мифологическим легендам, арака – изобретение *иблиса*. Чтоб доказать Богу неблагодарность людей, он пообещал Богу сделать так, что в скором времени люди начнут именем Бога молиться ему, *иблису*. Уастырджи, увидевший, как *иблис* гонит араку, решил узнать, чем тот занима-

ется. *Иблис* подал ему три бокала с аракой. Когда после третьего бокала арака ударила в голову Уастырджи, он понял, какое зелье придумал *иблис* людям на погибель. «Пусть отныне, – произнес Уастырджи, – тот, кто выпьет до трех бокалов, станет похожим на меня, кто же выпьет больше бокалов, пусть станет похожим на тебя, *иблис*». С тех пор, говорят легенды, люди возносят молитвы Всевышнему Богу с аракой, но на самом деле эти молитвы доносятся только до создателя араки – *иблиса*.

Иногда *иблису* противостоит *зэд* (*зæд/изæд*) в рассказах о преследовании человека *иблисом* в ночное время. Как правило, в таких случаях от неминуемой беды ночного путника спасает *зэд*, при появлении которого *иблис* исчезает.

У народов, где чёрт выступает только как отрицательное существо, функции доброго демонологического персонажа выполняет джинн.

«В демонологических рассказах рутульцев, основа которых восходит к мифологическим верованиям, сохраняются и положительные функции духов. Джинны, не утратив эти функции, продолжают бытовать в народе как хорошие духи. Иногда они являются и в облике родственников. Так, в демонологическом рассказе «Джинер» («Джинны») повествуется о том, что «мужчину, возвращавшегося со свадьбы, у порога дома увели злые джинны. Они избили его, затем бросили в пропасть. Хорошие же джинны вытащили его, взвалили на себя и понесли домой» [5, с. 23].

Подобные рассказы бытуют и среди осетин с той лишь разницей, что у осетин в роли джинна выступает чёрт. Иногда в подобных рассказах осетин противопоставят друг другу *иблис/ибилис* (дьявол) и *зэд*. Так, жительница с. Лескен Азиат Агузарова рассказывала, как во время войны она, возвращаясь из райцентра, куда она ходила за зарплатой учителей сельской школы (сама работала учительницей математики), встретила по дороге *ибилиси хай* (букв. ‘долю иблиса’, так осетины называют всех существ, служащих иблису). Ночь ее застала, когда она уже была недалеко от села. Не доходя до моста, она увидела на обочине дороги черного всадника на черном коне. Бежать обратно было бессмысленно: всадник бы все равно догнал. Не подав виду, что испугалась, она продолжила свой путь. Пройдя мимо всадника, она услышала за собой цокот копыт. Оглянувшись, Азиат увидела, как всадник пошел за ней. Она остановилась. Всадник – тоже. Азиат ускорила шаги, но и цокот копыт участились. Приблизившись к мосту, Азиат увидела возле моста

другого всадника, но одетого во все белое и на белом коне. Перепугавшись, она остановилась, не зная куда бежать, оглянулась на черного всадника. Черный всадник, увидев впереди себя белого всадника, резко остановил коня. Конь, встав на дыбы, стал пятиться, затем, резко развернувшись, рванулся назад и растаял в темноте. Азиат продолжила свой путь. Теперь сзади шел белый всадник. Когда она добралась до дому, остановилась и оглянулась. Белый всадник тоже остановился и сказал ей: «Не бойся, теперь ты дома, ничего уже с тобой не будет». Услышав это, Азиат побежала в дом, прямо с порога бросилась в объятия бабушки и заплакала. Бабушка, узнав в чем дело, успокоила ее и сказала, что черный всадник был *ибилиси хай*, а белый всадник – *зэд*, ее ангел хранитель. Если бы не белый всадник, с ней бы случилось что-нибудь ужасное [8, с. 17–18].

По представлениям чеченцев и ингушей джинны – добрые и злые духи, находящиеся между ангелами и дьяволами. Добрые и злые джинны между собой находятся в такой же вражде, как и ангелы с дьяволами. Обманом (или подслушав) они похищают тайны сокровенной будущности человека и сообщают своим земным друзьям. Падающие звезды – это звезды, брошенные ангелами в джинов во время подслушивания. Связь человека с джином приводит к умопомешательству. Умопомешательство некоторые дагестанские народы также связывают с джинами, а осетины и кабардинцы – с чертом. Когда человек сходит с ума, о нем говорят, что в него вселился джин (черт).

Ингуши деятельность колдунов связывают также с джинами. Сам термин, которым обозначается колдун – «*жинаи тайн стаг*» – буквально переводится как «человек, имеющий связь с джинами». По поверьям ингушей, джинны, как и люди, живут селениями, женятся, рождаются, умирают. Обычно они невидимы, но иногда показываются человеку. Как и другие кавказские народы, ингуши рассказывают о встрече с джином как о реальном событии. При этом называют конкретного человека – родственника или односельчанина. Один из таких рассказов описывает В.Н. Басилов: «...некто ехал поздно вечером и увидел аул, в котором праздновалась свадьба. Жители аула заставили путника слезть с коня, ввели в дом, посадили в мягкое кресло, предложили вкусную еду. Девушки стали петь в его честь песню, и он вытащил пистолет, чтобы выстрелами в воздух выразить свой восторг. Все неожиданно перепугались и начали упрашивать его не стрелять, но гость уже вошел в раж. Раздались выстрелы, а когда

дым рассеялся, ингуш увидел, что он сидит на куче навоза, вместо пищи перед ним тоже навоз, и конь его привязан не к жерди, а к тонкой былинке. Оказывается, ему встретилось селение джинов; исчезло оно потому, что джины боятся выстрелов из огнестрельного оружия» [1, с. 123].

Подобные рассказы можно услышать до сих пор у многих народов Северного Кавказа. Но, как правило, вместо джинов действующими лицами бывают черти. Так как образ джинна в Осетии не распространен, сильно размыт, то и действующим лицом таких встреч является чёрт (*хайраг/сайтан*). Так, один из информантов рассказывал, как он после войны встретился с чертями. Он шел домой из районного центра. Ночь его застала на дороге. Когда он спустился по перевалу, услышал звуки *фандура* (осетинской гармошки), пение и веселый гомон. Удивившись, кто это среди ночи вдали от села устроил веселье, из любопытства пошел на эти звуки. Пройдя через чащу, он увидел на небольшой поляне танцующих людей вокруг костра. Когда танцующие увидели его, то подбежали к нему, пригласили его ближе к костру, усадили за стол с богатыми яствами. К нему подбежали молодые девицы и положили ему на колени несколько тюков ткани, мол, подарок от нас. Удивившись, он поднял поставленный перед ним бокал, поблагодарил всех присутствующих и начал возносить молитву Богу (осетины всегда вместо тоста произносят молитву «*кувд*»). Присутствующие стали уговаривать его выпить без *кувда*, но он не послушался, а в конце, перед тем, как выпить, произнес «бисмилла». Как только он произнес это, все люди вокруг исчезли, сам оказался на куче земли, а на коленях, вместо тканей, куча земли. Только тогда он понял, что это были черти [8, с. 76].

Подобные рассказы можно услышать среди осетин до сих пор. При этом если у одних народов главный отрицательный персонаж *джинн*, то у осетин – *хайраг* (чёрт).

Мифотворчество осетин, связанное с *хайрагами/джиннами*, развивалось параллельно с представлениями о мусульманстве и христианстве. Потому представления о *хайрагах/джиннах* во многом идентичны с представлениями христиан о чёрте и бесах и мусульман – о шайтане и джиннах. Как и у многих народов, в мифах осетин *хайраг* (чёрт) выделяется среди злых духов местом своего обитания (преисподняя), свободой передвижения в ночное время суток, способностью к оборотничеству (превращаться в черную кошку, собаку, свинью, змея, в человека), умением принимать об-

лик знакомого (сельчанина, соседа, родственника).

В целом же образ *хайрага* (чёрта) как злого духа настолько универсален, что его черты переносятся и на другие отрицательные персонажи. Наиболее характерным в мифотворчестве о злых духах является перекрестное межкодовое взаимодействие мотивов у осетин с народами Северного Кавказа: между мотивами обнаруживаются соответствия, которые позволяют говорить об определенном параллелизме фрагментов содержания и о транскодовой филиации смыслов в рамках «сюжета о злых духах». Одни и те же «шайтановские» мотивы часто бывают связаны у разных народов с другими демонологическими образами.

Список литературы

1. Басилов В.Н. Пережитки колдовства у ингушей // Итоги полевых работ института этнографии в 1970 году. – М., 1971. – С. 123–124.
2. Дигорско-русский словарь / составит. Ф.М. Таказов. – Владикавказ, 2003. – 732 с.
3. Ирон адæмон сфæлдыстад (Осетинское народное творчество). В двух томах. Т.2. / составит. З.М. Салагаева. – Орджоникидзе, 1961. (на осет. яз.). – 654 с.
4. Ирон таурæгтæ / Осетинские легенды / составит. Ш.Ф. Джикаев. – Орджоникидзе, 1989. (на осет. яз.). – 450 с.
5. Мифологический словарь. Энциклопедия в двух томах. Т. II. – М., 1988. – С. 636. – 720 с.
6. Нартæ. Мифологи æма эпос дигорон æвзагбæл (Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке) / составит. А.Я. Кибиров и Э.Б. Скотдаев. – мВладикавказ, 2005. (на осет. яз.). – 454 с.
7. Нарты кадджытæ: ирон адæмы эпос (Нартовские сказания: эпос осетинского народа) / составит. Т.А. Хамицаева. Кн. 2. – м Дзауджикау, 2004. (на осет. яз.). – 896 с.
8. Архив СОИГСИ, личный фонд Таказова Ф.М. Материалы полевых исследований. (на осет. яз.).

9. Архив СОИГСИ, Ф. фольклор, п. 142, д. № 383(8). (на осет. яз.).

References

1. Basilov V.N. Vestiges of witchcraft among the Ingush. // Results of the field work of the Institute of Ethnography in 1970. Moscow, 1971. pp. 123–124.
2. Digorian-Russian dictionary / Compiled Takazov F.M. / Vladikavkaz, 2003. 732 p.
3. Iron adæmon sfældystad (Ossetian folk art). In two volumes. V.2. / Compiled by Z.M. Salagaeva/. Ordzhonikidze, 1961. (in Ossetic). 654 p.
4. Iron taurægtæ /Ossetian legends. Compiled Dzhi-kaev S.F. Ordzhonikidze, 1989. (in Ossetic). 450 p.
5. Mythological dictionary. Encyclopedia in two volumes. T. II. Moscow, 1988. pp. 636. 720 p.
6. Nartæ. Æma mythological epic digoron ævzagbæl (Narty. mythology and epic on Digorian language). The compilers and A.Ya.Kibirov E.B.Skodtaev. Vladikavkaz, 2005. (in Ossetic). 454 p.
7. Sledges kaddzhytæ: irony adæmy epic (Nartovian stories: epic Ossetian people) /Compiled by T.A. Hamitsaeva/. Prince. 2. Dzaudzhikau, 2004. (in Ossetic). 896 p.
8. Archive SOIGSI, personal fund Takazov F.M. Materials of field research. (in Ossetic).
9. Archive SOIGSI, F. folklore, folder 142, d. 383 (8). (in Ossetic).

Рецензенты:

Бесолова Е.Б., д.филол.н., ведущий научный сотрудник отдела языкознания, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, член-корр. РАЕ, г. Владикавказ;

Фидарова Р.Я., д.филол.н., главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы, ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева» ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 22.04.2013.